

ЗАГАДКА

ГОДА

РУДОЛЬФ БАЛАНДИН

**ЗАВЕЩАНИЕ
ЛЕНИНА**

Рудольф Константинович Баландин

Завещание Ленина

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2827835*

Завещание Ленина: Алгоритм; М.: 2009

ISBN 978-5-9265-0679-9

Аннотация

Последние годы жизни В. И. Ленина всегда привлекали историков и публицистов. Именно в этот период Ленин написал свои статьи, считающиеся его политическим завещанием. В них содержится немало фрагментов, по сей день вызывающих споры и разночтения. Однако, вопреки злобным домыслам некоторых псевдоисследователей, автор книги Р. К. Баландин убедительно доказывает, что В. И. Ленин, несмотря на огромную занятость и ухудшающееся состояние здоровья, сумел в своем завещании обозначить важнейшие проблемы, которые стояли перед молодым Советским государством, и наметить меры по их преодолению. В книге показано, в какой мере события, последовавшие после смерти Ленина, были им предсказаны или напрямую продиктованы и в чем Сталин стал продолжателем дела Ленина.

Содержание

Введение	4
1	4
2	7
3	9
4	10
5	12
Глава 1	13
Болезнь Владимира Ильича	13
Воинствующий атеизм Ленина	18
Великодержавный шовинизм Сталина	24
«Ленин на отдыхе»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рудольф Константинович Баландин Завещание Ленина

Введение

Прошлое – Пролог настоящего

*Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текущая вода.
В зыбком неводе природы
Звезды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы.
Велимир Хлебников*

1

Было ли завещание Ленина? Вот первый вопрос.

Ответить на него можно так: Владимир Ильич Ленин никакого завещания не писал, не диктовал.

На этом можно было бы завершить данную работу. Однако имеются достаточно серьезные дополнительные обстоятельства, требующие существенных уточнений и дополне-

ний.

Слово «завещание» имеет юридический смысл: документ, в котором кто-либо дает указания на то, как распорядиться его имуществом или властными полномочиями. В данном случае такое толкование отпадает. У Ленина не было каких-то существенных личных ценностей, а его положение партийного лидера и главы государства нельзя было передать кому-либо по личному распоряжению.

Однако завещание можно понимать как завет (наставление, совет), адресованный своим последователям. Например, в христианском Священном Писании есть Ветхий Завет и Новый Завет. В основе первого лежат заповеди Моисея, полученные, согласно преданию, от Бога. Таков религиозный Закон, единый и для христиан, и для иудаистов. В основе второго – заповедь любви к ближнему, провозглашенная Иисусом Христом.

Вот и в предсмертных своих работах Ленин высказал некоторые соображения, которые принято считать его политическим завещанием (хотя, повторю, сам он так не считал). Кого-то может покоробить, а то и оскорбить приведенное упоминание о Священном Писании. Однако оно дано не случайно и, уж безусловно, не с целью его сопоставления с ленинскими заветами.

Учение Маркса, дополненное Лениным (марксизм-ленинизм), в Советском Союзе стало, по сути, атеистическим священным писанием. Лев Троцкий едва ли не первым это про-

возгласил: «Маркс – пророк со скрижалями, а Ленин – величайший исполнитель заветов, обучающий не пролетарскую аристократию, как Маркс, а классы, народы, на опыте, в тяжчайшей обстановке...»

В таком отношении к партийным вождям нет ничего удивительного. Ведь атеизм – это религиозная концепция, основанная на предположении, что Бога нет. Такой тезис столь же недоказуем, как и противоположный. По этой причине «научного атеизма» быть не может, ибо любое научное учение отличается от религиозного или философского тем, что его можно подтвердить или опровергнуть на основе фактов, а не только рассуждений (философия) и, тем более, веры (религия).

Заветам Ленина первым придал сакральный характер Иосиф Виссарионович Сталин.

На траурном заседании съезда Советов 26 января 1924 года он произнес речь, которую позже называли клятвой: «Мы, коммунисты, – люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы – те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина». Само это начало, звучащее эпически, на религиозный манер, заставляет вспомнить, что в духовной семинарии Иосиф Джугашвили считался отличным учеником и что он писал неплохие стихи.

Сталин перечислял заповеди усопшего вождя, а после каждой из них торжественно провозглашал: «Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!»

Вряд ли тогда Сталин был знаком со «Словом о законе и благодати», произнесенным почти за тысячу лет до него митрополитом Иларионом в киевском соборе. Преподобный воскликнул, обращаясь к почившему князю Владимиру: «Восстань, о честный муж, из гроба своего! Восстань, отряхни сон, ибо ты не умер...» И еще: «Радуйся, учитель наш и наставник благоверию! Ты правдою облечен, крепостью препоясан, истиною обвит, смыслом венчан...»

Сходство речей крупного политика и церковного иерарха не случайно. Обращение к умершим так, словно они находятся здесь же, слышат и благословляют ораторов и всех присутствующих, — отличительная черта именно религиозного сознания.

Ленин к тому времени превратился в символическую фигуру. Об этом свидетельствует неподдельное горе народа после его смерти: в лютый январский мороз к гробу с телом Ленина, выставленному в Колонном зале Дома союзов, за четыре дня прошло около 900 тысяч человек. (Об этом следовало бы помнить тем, кто в наше время распространяется об антинародной политике Ленина и отсутствии к нему народной любви.)

Сталин чутко уловил и, возможно, сам переживал подобное чувство. Поэтому его клятва Ленину произвела огромное впечатление на слушателей. Она знаменовала появление нового вождя партии.

Но тут возникает немало тайн и вопросов, обсуждение которых предполагает данная книга.

3

Что следует считать политическим завещанием Ленина?

Кого предполагал Владимир Ильич в свои преемники как партийного и государственного лидера?

Не стал ли Сталин узурпатором власти вопреки завету Ильича?

Чем объяснить тот факт, что преемником Ленина не стал Троцкий?

Исполнил ли Сталин ленинские заветы?

Прервем перечень вопросов. Впереди еще будет их немало. Обратим внимание на самый, быть может, важный: какой смысл сейчас обсуждать проблемы, имеющие исторический смысл?

Мы живем в трудный период России. Перед страной, народом стоит сакраментальный вопрос: «Быть или не быть?» Он вовсе не риторический и не философский, а прагматичный, актуальный. Тем, кому он представляется надуманным или несущественным, напомним несколько очевидных истин, основанных на фактах.

Никогда еще в своей истории русский народ не вымирал так устойчиво и неуклонно в мирное время, да еще когда отдельные кланы, группы, личности неимоверно обогащаются за его счет.

Никогда еще великая держава не распадалась без войн и видимых потрясений столь быстро и радикально, утратив не только многие важные составные части, но и дружеское окружение.

Никогда еще русская культура не находилась в таком упадке и не утрачивала до такой степени своего престижа в мире.

Никогда и ни в какой стране не наблюдалось такого шельмования своего недавнего славного прошлого, такого напора антинародной пропаганды, такого торжества лжи, лицемерия, предательства.

Никогда еще не были столь сильны и объединены антирусские, антироссийские силы, и редко было столь мало у

нашей Родины друзей.

Никогда еще Россия не была экологической, а также интеллектуальной колонией Запада, куда постоянно перетекают в огромном количестве наши энергетические и интеллектуальные ресурсы.

Никогда еще так не обострялся глобальный экологический кризис. Ныне техническая цивилизация вступила в острое противостояние с окружающей природной средой, а это чревато в ближайшие десятилетия потрясениями для всего человечества.

Никогда еще не было такого бесцельного и бессмысленного существования наиболее промышленно развитых государств, ориентированных на максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных потребностей определенной части населения при полном пренебрежении к высшим духовным ценностям.

Никогда еще все эти – и некоторые другие – локальные и глобальные проблемы не составляли такой клубок противоречий, как в XXI веке. Чтобы хотя бы отчасти разобраться в них, необходимо внимательно и честно взглянуть на историю нашей страны и, по возможности, всего человечества.

Никогда не было такой жгучей, хотя и признаваемой немногими, необходимости понять прошлое в динамике и взаимосвязи событий. Ибо в противном случае свершится апокалипсис и Страшный суд над бездумной и безумной нашей технической цивилизацией.

Надо ли ворошить прошлое? Не пора ли забыть о том, что было, и заняться насущными проблемами?

Вообще – зачем изучать историю?

Интерес к ней определяется не только естественной человеческой любознательностью. Есть и не менее существенная причина.

Нам надо изучать прошлое, чтобы понять настоящее и получить более или менее надежные ориентиры на будущее.

Прошлое, словно корневая система дерева, определяет все то, что происходит теперь, предопределяя будущее.

Каждый из нас является результатом всего того, что происходило в прошлом. То же самое относится к любому обществу. Поэтому, познавая прошлое человека или общества, мы познаем самих себя.

Но в наше смутное время России ее сравнительно недавнее прошлое выступает не только в научном и философском аспекте. Оно стало мощным оружием в руках врагов социализма и коммунизма, СССР, а значит, нашего Отечества.

Глава 1

Трагедия вождя

Болезнь Владимира Ильича

Владимир Ильич Ульянов-Ленин – один из наиболее трагических персонажей истории.

Казалось бы, он осуществил свою заветную революционную мечту. Взять власть в огромной, раздираемой противоречиями стране оказалось неожиданно легко и просто. Не только потому, что слабовольным было Временное правительство. Пожалуй, никто и не дорожил этой властью, не цеплялся и не сражался за нее всерьез, не на жизнь, а на смерть. Это не озадачило ни «ленинскую гвардию», ни самого вождя. Тяжелейшие испытания для них начались позже.

В гражданской жесточайшей войне, когда не раз казалось, что проиграно дело большевистской партии, в конце концов победа была на ее стороне. Тут-то и выяснилось, что удержать и укрепить свою власть в огромной стране, испытывавшей кровавую междоусобицу и революционную перестройку – задача невероятно трудная.

Напряжение внутри общества нарастало. В руководстве партии усиливались разногласия. Все наиболее развитые

страны были против Советской России. За рубежом оставалось более миллиона белогвардейцев. Скрытых внутренних врагов было не меньше. В недавно созданном Советском Союзе экономическое положение было чрезвычайно тяжелым: чудовищный голод, эпидемии (значительно меньше были потери от военных действий). Однако наибольшие опасения и постоянно нарастающую тревогу вызывала ситуация с крестьянством. Она не прояснялась, а все более усугублялась и запутывалась. Чаше и яростней вспыхивали крестьянские бунты. А ведь сельские жители составляли подавляющую часть населения страны...

Умственное и нервное напряжение Ленина не ослабевало, а лишь усиливалось со временем. Ему не довелось почитать на лаврах, принимая чествования. Конечно, были народные шествия, многолюдные митинги. Однако вряд ли это его радовало. Жизнь он завершал в венце терновом. Начиная со второй половины 1921 года он все чаще ощущал нервные срывы, головные боли.

Еще в начале 1917 года он жаловался в письме к сестре Марии Ильиничне: «Работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая». Лечивший его врач-невропатолог профессор В. Крамер сделал весной 1922 года такую запись: «В основе его болезни лежит действительно не одно только мозговое переутомление, но и тяжелое заболевание сосудистой системы головного мозга».

Обратите внимание на этот диагноз, поставленный из-

вестным в то время специалистом по невропатологии. Совершенно ясно сказано, что болезнь Ленина объясняется *мозговым переутомлением и заболеванием сосудистой системы головного мозга*. С первым пунктом все понятно, что же касается второго, напомним, что отец Ленина – Илья Николаевич Ульянов – также страдал подобным заболеванием и скоропостижно скончался в возрасте пятидесяти четырех лет.

Мы специально заостряем на этом внимание, поскольку сразу же после смерти Владимира Ильича в стане его врагов возникли всевозможные домыслы о причинах болезни Ленина. Самой расхожей, как и следовало этого ожидать, оказалась версия о застарелом сифилисе, приведшем к мозговому заболеванию и расстройству психики главы советского правительства. Эта версия была охотно подхвачена на закате горбачевской перестройки ярыми борцами за демократию и продолжает обсуждаться ими до сих пор. Понятно, что никаких официальных медицинских документов они привести не могут и ограничиваются пересказом сплетен по типу «Иван сказал Николаю, Николай – Петру, а Петр – Федору».

Самое удивительное, что некоторые из этих «исследователей», видимо, всерьез верят в то, что у Ленина был сифилис. Дело тут не только в личности Владимира Ильича, которая вызывает у них поистине болезненную ненависть. Для всех этих деятелей кажется совершенно естественным, что лидер влиятельной политической партии мог вести беспо-

рядочную половую жизнь и заразиться венерическим заболеванием. В их «демократической» среде моральная распущенность и вседозволенность – обычные явления. Для этих «борцов за общечеловеческие ценности» и свальный грех – не грех, и педерастия – естественная черта натуры, отчего же им не предположить, что и Ленин был таким же, как они?

С другой стороны, стремление любыми способами опорочить и принизить Ленина объясняется не только очевидным политическим заказом, но и чувством собственной нравственной ущербности «разоблачителей». Английский сатирик Дж. Свифт в «Путешествии Гулливера» описал мерзкую породу выродившихся (в буквальном смысле) людей, дав им прозвище *еху*. Так вот, эти *еху* не могли вытерпеть в своем окружении благородного и чистого (опять-таки в буквальном смысле) Гулливера. Как только *еху* сумели добраться до него, они его обгадили (снова в буквальном смысле) с головы до ног, дабы он ничем не выделялся из их стада. Как говорится, комментарии излишни.

* * *

Итак, Ленин заканчивал свою жизнь, страдая от тяжелейшего нервного переутомления и заболевания сосудистой системы головного мозга. Несмотря на это, он продолжал работать, пока болезнь окончательно не подкосила его. Последние статьи, письма и записки Владимира Ильича, которые

принято считать его политическим завещанием, содержащее суждения и предложения. С ними можно не соглашаться, они подчас откровенно полемичны, спорны, однако бессмысленными или глупыми их никак не назовешь.

Воинствующий атеизм Ленина

Весной 1922 года Владимир Ильич, находясь на отдыхе в Подмоскowie, работал над статьей «О значении воинствующего материализма».

Комментируя ее, бывший начальственный политработник Советской Армии, ставший при изменившейся ситуации троцкистом и антисоветчиком, Д. А. Волкогонов писал: «Мысли его радикальны и беспощадны. Ленину кажется, что программа разгрома церкви в России не только дает крупные денежные средства советской власти, но и резко продвинет страну вперед по пути социализма. Золото плюс безраздельное влияние коммунистической идеологии! Это так важно и ценно!»

Читая подобные откровения бывшего крупного номенклатурного партийного работника, начинаешь сомневаться: не поразил ли таких деятелей тот недуг, который они приписывают Ильичу? Ведь нет никакого сомнения, что пополнение казны государства, пребывающего в жуткой разрухе после мировой и Гражданской войн, действительно важно или, как выразился бы Ленин, архиважно. И господство идеологии правящей партии тоже необходимо для удержания власти.

У наивного приверженца плюрализма может возникнуть возражение: а как же в буржуазных демократиях, в западном

цивилизованном обществе разрешена идеологическая борьба разных партий, защищены свобода слова и права личности. Разве нельзя было сделать то же самое в Советской России?

Нет, конечно. Народ надо было спланировать, а не разобщать. Тут демагогия представителей разных партий ничего хорошего дать не может. Государственную систему надо было укреплять хотя бы в связи с угрозой очередной интервенции.

А на Западе, между прочим, так называемая демократия установлена не народная, а буржуазная. Она находится под пристальным призором и управлением при щедром финансировании имущих капиталы и власть.

Но вернемся к проблемам атеизма. Ничего особенного в этом труде Ленина нет. Он высказал вполне адекватные, логичные мысли. В частности, с едкой иронией отозвался о публикации в научном журнале статьи молодого социолога Питирима Сорокина, назвавшего 92,2 развода на 10 000 браков в Петрограде «цифрой фантастической». Прав был Владимир Ильич: «Всякий сколько-нибудь знакомый с общественными условиями в буржуазных странах человек знает, что фактическое число фактических разводов (конечно, не санкционированных церковью и законом) повсюду неизмеримо больше».

И все-таки в конце своей работы Ленин раздраженно заметил: «Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но

пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место».

Как известно, он санкционировал такую высылку из Советской России нескольких десятков противников материализма, атеизма и марксизма (своеобразное триединство). В этом, пожалуй, проявилась не только чрезмерная «твердокаменность» ленинского мировоззрения. Сказалась и его чрезмерная нетерпимость к тем, кто не разделял его взгляды. Насильственное избавление сторонников господствующей идеологии от идейных противников не укрепляет, а ослабляет эту самую идеологию. Она становится прибежищем бездарных апологетов, крикливых демагогов, подлых лицемеров, ловких приспособленцев (пример Волкогонова, а также Горбачева, Ельцина и многих других показателей).

* * *

Той же весной Ленин передал членам Политбюро письмо по поводу беспорядков, произошедших в городе Шуе, когда толпа набросилась на тех, кто стал проводить реквизицию церковных ценностей.

«Нам во что бы то ни стало необходимо произвести изъятие церковных ценностей, – писал Ленин, – самым решимым».

тельным и самым быстрым образом...» Далее он предлагает применять к церковникам, организующим выступления против власти или враждебно настроенным по отношению к ней, самые жесткие меры, вплоть до расстрела.

Это письмо Ленина вызывало и вызывает негодующие крики у защитников церкви, которых в наши дни вдруг оказалось чрезвычайно много. Хотелось бы напомнить им некоторые простые истины.

Православная церковь в течение долгого времени была надежным оплотом царской власти в России; плохо это или хорошо, – другой вопрос. С начала XVIII века волею Петра I церковь стала частью государственного механизма. Совершенно естественно, что, являясь, по сути, государственной организацией, церковь и действовала в интересах государства, политика которого далеко не всегда отвечала чаяниям широких масс населения страны.

Не случайно, что среди народа существовало, мягко говоря, прохладное отношение к священнослужителям. В русском фольклоре было множество издевательских рассказов о священниках, что верно подметил еще А. С. Пушкин и блестяще отразил в своей «Сказке о Попе и его работнике Балде».

В конце концов, церковь разделила с правящим режимом ответственность за провалы его политики и вместе с ним понесла кару в революционные годы. Так было во Франции во времена Великой французской революции, так было и у нас

после Октября 17-го.

Репрессии против церкви, проводимые советским правительством, усугублялись ее борьбой с советской властью. Требуя от власти соблюдать «Божьи заповеди», священнослужители сами поступали с властью не по-божески. Ни для кого не секрет, что священники активно участвовали в Гражданской войне на стороне антисоветских сил, поднимали восстания на территории красных, организовывали заговоры и т. д. Все это происходило на фоне общественных потрясений, кровавой междоусобицы, жестоких революционных и контрреволюционных методов подавления своих противников в смутный период российской истории. И если в наше время президент демократической страны мог ввести в столицу танки и расстрелять собственный парламент, то чего же нам требовать от людей, живших в ту суровую эпоху?

Что же касается позиции церкви, занятой ею в голодном двадцать втором году, то иначе, как странной, ее не назовешь. Вместо того, чтобы отдать, по заветам Спасителя, последнюю рубашку ближнему своему, священники не желали помочь своей пастве, умирающей от голода, и отчаянно защищали свое «злато и серебро» от передачи в фонд голодающих. Надо ли удивляться, что Ленин с присущей ему категоричностью требовал применения расстрела для «мракобесов от поповщины»?

Не нужно забывать, что Ленин не был святым и благоверным правителем, каким объявили ныне царя Николая II.

Ленин был жестким политиком, благодаря чему он смог, по словам Черчилля, вытащить страну из хаоса и анархии и вернуть ее на торный путь цивилизации.

Великодержавный шовинизм Сталина

6 октября 1922 года Ленин написал Каменеву (Льву Борисовичу Розенфельду):

«Т. Каменев! Великодержавному шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди

русский

украинец

грузин и т. д.

Абсолютно!

Ваш Ленин».

Очевидно, что Владимир Ильич не утратил чувства юмора и оптимизма. И все-таки, почему вдруг такое отношение к великодержавному (то есть русскому) национализму? Или у представителей других национальностей, населяющих Россию, ничего подобного не наблюдалось?

Разберемся в сущности вопроса. Поводом для данного обращения, связанного с образованием СССР, послужило, казалось бы, мелкое событие. Грузинские националисты хотели выделить свою республику из Закавказской федерации (объединявшей Азербайджан, Армению и Грузию). Им про-

тивостояли сторонники Орджоникидзе. Когда один из националистов оскорбил последнего, тот ответил пощечиной. Этому проступку придали особое значение, направив для его расследования в Тифлис комиссию во главе с Дзержинским. Она никаких серьезных санкций в отношении Орджоникидзе не применила.

Ленин после беседы с Дзержинским, а затем Зиновьевым придал инциденту поистине символический характер, квалифицировав его, как уже говорилось выше, в качестве великодержавного шовинизма. Ильич обрушился на весь «российский аппарат», защищая национальные меньшинства: «При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза»... окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке».

Далее Ленин перешел к выводам и обобщениям: «Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хоть великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но в таком неравенстве, которое возмещало бы со сто-

роны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически...»

Ленин пояснил: «Нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации».

Если разбирать эти высказывания так, как их разбирают противники Ленина, то есть без учета конкретной исторической обстановки, не вникая в смысл того, о чем говорил Владимир Ильич, – картина вырисовывается зловещая. Получается, что глава советского правительства был отчаянным русофобом и ненавидел титульную нацию государства, которым руководил. А чему тут удивляться, – поясняют нам защитники русских устоев, – ведь Ленин был по материнской линии евреем! Сами понимаете...

Не будем вдаваться в генеалогические споры, отметим лишь, что еврейские корни Ленина выявили раньше всех именно евреи, причем евреи, живущие в Советском Союзе, где Ильич на протяжении десятилетий был культовой фигурой. Как только советская система рухнула, так сразу еврейские авторы и позабыли о том, что Ленин – еврей. Зато эту гипотезу охотно подхватили наши записные патриоты, забывшие горькие слова бывшего диссидента Александра Зиновьева: «Мы метили в коммунизм, а попали в Россию».

Итак, о чем идет речь в письмах Ленина по национальному вопросу, в чем обвиняют Владимира Ильича его враги? Первое – он ругал великодержавный русский шовинизм. Но разве не было шовинизма в царской России? Разве не называли ее «тюрьмой народов»? Единичные примеры, когда представителям так называемых «инородцев» удавалось занять высокое положение в государстве, лишь подтверждают общее правило: российская империя во многом жила за счет безжалостной эксплуатации нерусского населения. Национальные окраины страны являлись, по сути, ее колониями, – отсюда множество восстаний за равноправие и даже за независимость от России, которые неоднократно потрясали империю Романовых.

Проводником и олицетворением шовинистической политики был русский бюрократ, проводящий великодержавную линию и безжалостно обирающий местное население, которое нередко отставало от русского по уровню культуры. Шовинизм поощрялся и активно внедрялся бюрократией в русское народное сознание; недаром все русские националистические организации до 17-го года так или иначе были связаны с правительством и с самим царем.

Подобное явление характерно для всех государств, в которых одна нация занимает привилегированное положение по

отношению к другим. За всевозможными расовыми и националистическими теориями часто скрываются обычные экономические интересы.

Стремясь построить государство принципиально нового типа, государство, основанное на равенстве трудящихся всех национальностей, Ленин просто обязан был объявить беспощадную борьбу великорусскому шовинизму. Но обратите внимание, что Владимир Ильич называет «подлецом и насильником» не русского человека вообще, а *бюрократа*, прикрывающегося шовинистическими лозунгами. Этого же бюрократа Ленин именует «великорусской швалью» и сожалеет, что в стране еще так мало новых управленцев из числа «советских рабочих», свободных от националистических предрассудков.

Далее следует логический вывод: для того чтобы бывшие угнетенные нации поверили в свое равноправие и включились в процесс создания нового государства, им необходимо дать дополнительные привилегии. Только при таком условии малая нация почувствует себя действительно равной с титульной нацией страны.

Что же касается великой угнетающей нации, «великой только своим насилием», то здесь опять-таки идет речь не о русской нации в обобщенном виде, а о том положении, в которое она была поставлена своим правительством «в историческом прошлом». Волей или неволей, но эта нация нанесла обиды «иноподданам», и для многих из них она, в самом де-

ле, была велика только своим насилием. И снова Ленин подчеркивает, что для преодоления недоверия необходимо доказать свое подлинное стремление отказаться от шовинизма в межнациональных отношениях.

Попытка объединить людей не по национальному, а по какому-либо иному, высшему признаку, собственно, не новая в мировой истории. Вспомним Новый Завет, в котором говорится о тех временах, когда не будет «ни эллина, ни иудея, ни римлянина», но все люди объединятся во Христе. Ленин, по своему, конечно, тоже пытался осуществить мечту о равноправном единении «всех языков». Увы, время показало, что до этого еще очень далеко! Но можно ли осуждать Ильича за попытку приблизить прекрасное будущее человечества?

* * *

Второе, за что часто осуждают Ленина, когда вспоминают о его последних работах, посвященных национальному вопросу, – это якобы за русофобию.

Большую нелепость трудно себе представить! Владимир Ильич гордился достижениями России, восторгался ее культурой – достаточно почитать воспоминания о нем М. Горького. Ленин и по своему характеру был стопроцентно русским человеком. Категоричность, максимализм, постановка великих целей и готовность идти на любые жертвы во имя их достижения – разве это не черты русской натуры?

А обостренные чувства справедливости и правды, вспыхивающие бунтами, когда переполнялась чаша народного долготерпения? Восстания С. Разина и Е. Пугачева были поэтому чисто русскими бунтами, так же как и революция 17-го года была чисто русским явлением.

Задумайтесь, почему Ленина в народе называли почти-тельно-ласково – «Ильич»? Так, по отчеству, раньше именovali уважаемых мужичков-хитрованов, башковитых, радующих за общество, артельных вожаков. Никого из деятелей нашего государства, кроме Ленина, не удостоил народ подобным уважительным обращением. Это о многом свидетельствует и, уж по крайней мере, опровергает измышления о русофобстве Владимира Ильича!

Третье обвинение заключается в том, что Ленин будто бы был ставленником все тех же инородцев, прежде всего евреев, проводил политику в их интересах, и сама наша революция-то была чуть ли не еврейской! Те, кто утверждают это, приводят цифры о количестве «инородцев» в различных органах советского государства. В любом случае получается, что русские вроде бы и в большинстве, но вот в процентном соотношении, в сравнении с общим количеством в стране лиц определенной национальности...

Подобные утверждения могут делать или очень наивные люди, или одержимые ненавистью к русской революции. Нормальный человек, знающий Россию, должен понимать, что Русь всегда, от самых своих истоков, впитывала в себя

народности и нации, многое заимствовала у них и одновременно приобщала к своей жизни, к своей культуре.

В русских бунтах и в русской революции принимали участие многие нации и народности не потому только, что угнетались они великодержавным царским правительством (хотя и эта причина тоже была), но из-за влияния на них русской идеи о высшей справедливости и всеобщем благе. Как сказал бы Л. Н. Гумилев, русский народ обладал высокой степенью пассионарности с большой силой притяжения.

От этого в войске Е. Пугачева значительную часть составляли башкиры, татары и другие народности Поволжья и Приуралья; от этого в Красной Армии и в советском государственном аппарате служили латыши, грузины, евреи, армяне и еще масса людей разных национальностей, включая венгров и китайцев.

Все они проникались русским духом сопротивления, служили идеям русской революции, стремились, как и русские, построить Царство Божье на земле. Поэтому их надо считать, прежде всего, русскими революционерами, а уж потом вспоминать, кто они по национальности. Причем, иногда эта национальность вообще терялась, совершенно растворялась в русской революционной среде. Так, грузин Джугашвили стал русским революционером Сталиным, соратником Ленина и создателем великой советской империи, объединившей более сотни народов.

Как уже говорилось, в национальном вопросе И. В. Сталин придерживался несколько иных взглядов, чем Ленин.

Сталин не считал нужным предоставлять «инородцам» какие-либо преимущественные права. Для него главным было создание государства с твердой центральной властью, подчиняющей себе все нации страны.

Как это ни парадоксально, и Сталин и Ленин оба были правы. План Ленина был рассчитан на скорейшее развитие каждой народности в составе Советского государства, а план Сталина предусматривал скорейшее развитие всего этого государства. План Ленина было труднее исполнить, это были стратегические замыслы; план Сталина был больше тактическим, приближенным к жизненным реалиям.

Понимал ли это Владимир Ильич? Безусловно, но он мерил своей меркой. Для него принцип равноправия наций был священным, и он не допускал никаких нарушений этого принципа. Отсюда резкие высказывания Ленина о национальной политике Сталина: «Тот грузин, который... пренебрежительно швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что

ничто так не задерживает развития и упрочнения пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость...»

Трагедия Ленина в данном случае была в том, что он видел, как мечта об интернационализме в очередной раз в истории человечества отступает под напором требований времени об упрочнении национального государства.

«Ленин на отдыхе»

Резкие высказывания Ленина в адрес Сталина могли бы свидетельствовать о полном разрыве их отношений. В действительности все было не так просто и однозначно. В 1922 году Ленин, вынужденный по болезни отсутствовать на заседаниях Политбюро, направлял сюда свои послания и обычно первым адресатом ставил Сталина. Ленин из всех других своих соратников предпочитал встречаться с ним. Поэтому именно Сталина Политбюро назначило ответственным наблюдателем за состоянием здоровья вождя.

Обратим внимание на одну малоизвестную статью Сталина. Написал он ее 15 сентября 1922 года по настоятельной просьбе редакции газеты «Правда», где она и была опубликована через 8 дней под заголовком «Тов. Ленин на отдыхе. Заметки». Интересно не только содержание, но и стиль этого сочинения.

По словам автора, Ленин, во время «первого свидания с ним в июле, после полуторамесячного перерыва, произвел... впечатление старого бойца, успевшего отдохнуть после изнурительных непрерывных боев и посвежевшего после отдыха.

– Мне нельзя читать газеты, – иронически замечает тов. Ленин, – мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся на столе, боясь, как бы он не оказался газетой и как бы не вышло из этого

нарушения дисциплины.

Я хохочу и превозношу до небес дисциплинированность тов. Ленина. Тут же смеемся над врачами, которые не могут понять, что профессиональным политикам, получившим свидание, нельзя не говорить о политике...

Совершенно другую картину застал я спустя месяц. На этот раз тов. Ленин окружен грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничений). Нет больше следов усталости, переутомления... Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью».

Если Сталин не приукрашивает состояние здоровья вождя, то оно, по-видимому, испытывало периодические спады и подъемы, но все-таки наблюдалось неуклонное ухудшение.

Пересказывая темы их беседы, Сталин переходит на телеграфный стиль:

«Внутреннее положение... Урожай... Состояние промышленности... Курс рубля... Бюджет...

– Положение тяжелое. Но самые тяжелые дни остались позади. Урожай в корне облегчает дело. Улучшение промышленности и финансов должно прийти вслед за урожаем. Дело теперь в том, чтобы освободить учреждения и предприятия от ненужных расходов, сократив наши учреждения и предприятия и улучшив их качественно. В этом деле нужна особая твердость, и тогда вылезем, наверняка вылезем.

Внешнее положение... Антанта... Поведение Франции...

Англия и Германия... Роль Америки...

— Жадные они и глубоко друг друга ненавидят. Раздерутся. Нам торопиться некуда. Наш путь верен: мы за мир и соглашение, но мы против кабальных условий соглашения. Нужно крепко держать руль и идти своим путем, не поддаваясь ни лести, ни запугиванию.

Эсеры и меньшевики, их бешеная агитация против Советской России...

— Да, они задались целью развенчать Советскую Россию. Они облегчают империалистам борьбу с Советской Россией. Попали в тину капитализма и катятся в пропасть. Пусть барахтаются. Они давно умерли для рабочего класса.

Белая пресса... Эмиграция... Невероятные легенды о смерти Ленина с описанием подробностей...

Товарищ Ленин улыбается...»

* * *

Прервем цитату. Сталин перечислил множество разнообразных тем, которые они обсуждали. Он хотел показать, что вождь вновь, как прежде, входит в курс всех дел и начинает их контролировать.

Но Ленина все чаще беспокоят мысли о смерти. Как законченный атеист и материалист он ее не боится: всего лишь переход в небытие, к вечному покою; нечто подобное желанной нирване буддистов, избавляющей от всех забот и стра-

даний этого мира.

Например, в середине июня после очередного приступа спазма сосудов он сказал не без иронии своему лечащему врачу Кожевникову:

– Вот история, так будет кондрашка!

Через некоторое время пояснил, почему так считает:

– Мне уже много лет назад один крестьянин сказал: «А ты, Ильич, помрешь от кондрашки», – и на мой вопрос, почему он так думает, он ответил: «Да шея у тебя больно короткая».

Об этом он говорил спокойно и с улыбкой. Хотя, судя по всему, Ленин находился под впечатлением того разговора с крестьянином. Осматривавшему его профессору Ленин пожаловался на ослабление работоспособности, бессонницу и отсутствие душевного покоя.

Он все мучительней переживает болезнь и отход от активной политической и государственной деятельности. По мнению Д. А. Волкогонова, подробно описавшего последние два года жизни Владимира Ильича, объяснение этому простое: «Власть для Ленина – смысл его жизни. Он не собирается с нею расставаться, будучи совершенно больным... Просто власть для Ленина как личности была высшим смыслом его существования, способом реализации своих убеждений, хотя он не был тщеславным человеком».

Примерно так рассуждают те, кто лишен твердых убеждений высшего порядка, превышающих его личные амбиции. Такой человек способен увидеть в Ленине (или в Сталине)

лишь маниакального властолюбца и трудоголика. Это мнение людей, не желающих сознавать, что такое в реальности, а не в мечтаниях большая, почти абсолютная власть, которую приобрел Ленин. Для неумного честолюбца она действительно становится высшим (по его разуму) наслаждением. Но ведь Ленин, как признают даже его враги, был умен и лишен тщеславия.

Другое дело – стремление реализовать свои убеждения. Став во главе государства, он отдавал все силы на его укрепление. Оставаясь безусловным вождем правящей партии, заботился о ее единстве и способности управлять обществом.

Ни материальные ценности, ни власть сама по себе не были для Ленина вожаемыми. Он был энтузиастом идеи социализма и коммунизма, определяющей цель его жизни.

Ленину грозила не просто утрата жизни. Любому здравомыслящему человеку ясно, что его личное пребывание на свете, как всякого другого, рано или поздно завершится. Но для того, кто воодушевлен идеей, страшной всего – при жизни – потеря смысла существования.

Поясним, что имеется в виду. Несмотря на утешающие высказывания врачей и близких, Ленин прекрасно сознавал, что сосудистое заболевание головного мозга (как сейчас мы говорим – рассеянный склероз) может привести к параличу, к полной инвалидности. Он хотел, он требовал, чтобы в такой момент кто-то из них дал ему яд.

Его сестра Мария Ильинична в своих воспоминаниях,

опубликованных только в конце 1989 года, писала:

«Зимой 20/21, 21/22 годов В. И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В. И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Сталин обещал.

Почему В. И. обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой...

С той же просьбой обратился В. И. к Сталину в мае 1922 года после первого удара. В. И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Сталина. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Сталин пробыл у В. И. действительно минут пять, не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В. И. просил его доставить ему яд, так как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В. И., и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В. И., и Сталин вернулся снова к В. И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно... В. И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину:

– Лукавите?

– Когда же Вы видели, чтобы я лукавил...»

Ленин мужественно боролся с болезнью. И она долго не могла сломить его. Как мы знаем из очерка Сталина, приведенного выше, летом того же года Ильич почувствовал себя лучше (отметим, что лечили его известные отечественные и зарубежные врачи). 31 октября он смог произнести речь на заседании ВЦИКа. 13 ноября на пленуме Конгресса Коминтерна он выступал в течение часа на немецком языке, и вновь без запинок.

Однако облегчение было временным. В конце ноября, идя по коридору, он упал из-за судороги в правой ноге (произошло, по-видимому, локальное нарушение кровообращения в двигательном центре левого полушария головного мозга). 12 декабря он работал у себя в кремлевском кабинете, как оказалось, в последний раз. Его здоровье стало заметно ухудшаться.

Во второй половине декабря в записях врачей, лечащих Ильича, постоянно встречаются записи типа: «стал нервничать», «настроение стало хуже», «настроение плохое».

К весне 1923 года Ленин почувствовал, что положение его безнадежно. Он уже не мог ни передвигаться, ни писать, и даже внятно разговаривать. То, что он хотел сказать, понимала только неотступно опекавшая его Надежда Константиновна. И тогда она, несмотря на резкое ухудшение личных отношений со Сталиным, обратилась к нему с необычной просьбой...

Впрочем, об этом эпизоде свидетельствуют документы. Вот главный:

«Строго секретно.

Членам Пол. Бюро.

В субботу 17 марта т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Вл. Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила, между прочим, что «Вл. Ильич переживает неимоверные страдания», что «дальше жить так невыносимо», и упорно настаивала «не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н. К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В. И. дважды вызывал к себе Н. К. во время беседы со мной и с волнением требовал «согласия Сталина»), я не считал возможным ответить отказом, заявив: «Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и доведу до сведения членов П. Бюро ЦК.

И. Сталин.

21 марта 1923 г.».

Повторим: желание Ленина покончить жизнь самоубийством – свидетельство глубокой трагичности его судьбы. Он

был сильным человеком и мужественно боролся с болезнью до тех пор, пока не понял, что она неизбежно победит.

Вспомним слова поэта-мыслителя Федора Тютчева:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.